

«BERNADETTA –
ВАШ ПОДВИГ»

*Об одном переводе
Анастасии Цветаевой*

«BERNADETTA — ВАШ ПОДВИГ»

Об одном переводе Анастасии Цветаевой

Москва

Дом-музей Марины Цветаевой

2003

ББК 83.3(0)6
Б 51

ISBN 5-93015-041-9

Составители
Г. К. Васильев
Г. Я. Никитина

*Переводчики — суть поч-
товые лошади просвещения*

А. С. Пушкин

Далеко не всем известно, что Анастасия Ивановна Цветаева, кроме писательского и поэтического таланта, имела еще и высокого класса талант переводческий. За свою долгую жизнь она перевела немало произведений с немецкого, французского и английского языков: с немецкого — «От рабочего к астроному» Бруно Бюргеля (Госиздат, 1923), с французского — «Миссионер» П. Жува, с английского — эссе Томаса Карлейля, а также рассказы, очерки, научные статьи. «Много переводов... за давностью сосчитать не берусь», — пишет она в анкете профкома Союза писателей, присланной ей в 1971 г.

Самый же капитальный и в то же время наименее известный переводческий труд-подвиг Анастасии Ивановны был ее перевод с французского двухтомного сочинения о жизни знаменитой католической святой Бернадетты

Лурдской*, над которым она работала с 1976-го по 1987 год.

По крайней мере три обстоятельства могли стать причиной столь взволнованного и страстного отношения Анастасии Ивановны к переводу этой книги. Первое — это воспоминание о поре далекого детства, когда сестры Цветаевы впервые соприкоснулись с католической верой в пансионе сестер Лаказ в Лозанне. Второе — искренний интерес и пристрастие Анастасии Ивановны к приемам и лекарствам так называемой народной медицины, достигающим порой поразительных результатов, которые могут быть прочтены как случаи чудесного исцеления. И, наконец, третье обстоятельство — вещественная и духовная параллель между событиями Лурдского чуда и ежегодными посещениями Анастасией Ивановной святынь Пюхтицкого Успенского женского монастыря в Эстонии. Этот монастырь, расположенный недалеко от поселка Кясму, на протяжении четверти века был местом летнего пребывания Анастасии Ивановны. Здесь она отдыхала и работала над своими произведениями, и здесь же она начала перевод книги о св. Бернадетте. Здания монастыря и Святой источник, рядом с которым имеется часовня, расположены в лесистой, слегка

* *Michel de Saint Pierre. Bernadette et Lourdes. [Volum 1]; Rauonnement Virginal. Moisson de graces attribuees' a l'interession de la Venerable Sœur Mfrie-Bernard, Bernadette Soubirous. [Volum 2]. Paris, 1958.*

всхолмленной местности. Вода источника считается целительной. Как правило, 29 августа, в день Успения Божьей Матери, Анастасия Ивановна, невзирая на холод, троекратно погружалась в животворящую воду святого источника и, успокоенная и помолодевшая, возвращалась в монастырские покои. Толпы верующих приезжают сюда из разных мест страны для молитвенного покаяния и исцеления — всё это легко проецируется на ландшафты, часовню, грот и другие детали, бывшие фоном Лурдского чуда.

Для подтверждения того, что такие сопоставления действительно имели место в сознании Анастасии Ивановны, приведем запись, сделанную ею по окончании перевода первого тома вслед за его последними словами: «Святая Мария, Божия Мать, молитесь обо мне, бедной грешнице ... бедной грешнице...»:

«Я перевела эти слова ровно в три ч а с а дня, 100 лет, 4 месяца и 1 день спустя, 17 августа 1979 года в Кясму, Эстония, Дом Марии Эйнхольм, у лютеранской церкви, возле кладбища, на 85-ом году жизни. А. Ц.»

Смерть Бернадетты наступила *16 апреля 1879 года*, запись сделана *17 августа 1979 года*. В этом Анастасия Ивановна усматривает глубокую внутреннюю связь событий с привкусом числовой мистики, также глубоко интересовавшей Анастасию Ивановну после ее знакомства с учением Каббалы, о чем она не раз говорила в беседах на подобные темы.

Что же касается первого обстоятельства,

то этой теме уделено немало страниц в рукописи ее «Воспоминаний», не вошедших, однако, ни в одно из пяти изданий этой книги. Приведем здесь некоторые неопубликованные страницы, ставшие как бы прологом к будущему переводу сочинения о св. Бернадетте.

Мы ждем приезда м-ль Жанн¹. О ней говорили, что она очень религиозна, что только какие-то семейные обстоятельства помешали ей стать монахиней. И наши сердца уже тянулись к ней в каком-то таинственном уважении. Теперь в церкви мы уже не стояли нахмураясь, скучая, враждебные к происходящему.

Как произошел этот «душевный переворот»², мало по малу, или в некоем «вдруг», я на этот вопрос не отвечаю, потому, что не помню — как.

<...> Я вижу ту церковь, куда мы шли с замиранием всего существа, в которой звучал хорал словно ангельских голосов сверху, где мосье л'Аббэй³ был для нас представителем Христа (как для него был Римский Папа), где я, вслед за Марусей, стоявшей лучше, поглощеннее всех пансионеров, старалась понять смысл слов, напечатанных в молитвеннике, где изображалась вся месса⁴, где напряженное, медленное перелистывание страниц имело одну цель: не пропустить объяснение того, что делается перед алтарем. О, это были только врата! За ними распахивался весь наш будущий земной путь, а за ним неземной, вся вечность, вся, в которой доблестные и стойкие будут в раю с Ма-

донной и Иисусом Христом, а изменившие таинства крещения войдут в ад — навеки. Мы знали еще о Чистилище, в котором, в мучениях, перегорят наши грехи, если они не смертные, и мы, очищенные, войдем в рай. О нем мы в Москве в нашей вере не слышали. И никто там не говорил нам, что каждый день, каждый час Бог ждет от нас доброго дела и горюет о злом поступке, и что Святая Дева, окруженная ангелами, плачет о наших грехах, и что весь Небесный мир ждет, как мы поступим завтра, сегодня, *сейчас?*

<...> Был чудесный обычай в пансионе Лаказ. В четыре часа дня, в воскресенье, на стеклянную террасу вносила девушка (горничная) огромное овальное блюдо с горой пирожных. Она высоко поднимала его над головой, так как к нему тянулась целая заросль рук <...>. Маруся ест, чуть прищурясь.

— А у тебя какие?

— А у меня... Да, но ведь жадность грех? Искушение — везде, — говорит мосье л'Аббэй. Ведь все в мире, затаив дыхание, ждет, как ты поступишь сегодня, сейчас — к раю ли ступишь или пройдешь шаг к аду? Чье знамя возьмешь в свои руки — Божье или дьявольское? Будешь ли верен Богу, тебя создавшему, тебе давшему жизнь, как тернистый путь испытаний, чтобы узнать, с Ним ли ты, или, соблазняясь греховностью, — против Него? Это ворвавшееся в сердце призывным, как звук рога, осветившее душу, как нездешний золотой луч, неведомо как и когда сожгло в нас все то, что мешало нам верить в Бога, ждать Его приход в было изменившую Ему

душу, радоваться, бороться с собой, клясться в верности Иисусу Христу.

Я думаю, не прошло и полугода с отъезда из Нерви, как мама стала получать от нас письма, как потом узнали из ее писем к папе, встревожившие ее по-новому. Смысл ее строк был тот, что намучившись нашей чрезмерной свободой в Италии и пугаясь чрезмерной нашей любви к бежавшим с царской каторги людям, слишком развязным и огульно все осмеивавшим и отрицавшим, как казался разумным шаг — поместить нас во французский пансион! И что же! И здесь получилось совсем не то, что она ждала! «Это какие-то монахини становятся, а не девочки», — писала мама. А мама, думаю, получала наши недетские письма и не знала, что отвечать. Воображаю, что и как писала ей Маруся, если я в восемь лет писала что-то вроде: «Милая мама, почему мы родились в такой вере, где величайшее таинство — причащение, мы приняли такие маленькие, что ничего не могли понимать? И теперь мы лишены того, что имеют наши подруги — Первого Причастия, Торжества и счастья быть Невестой Христовой, подготавливаться в беседах с мосье л'Аббэй к этому великому дню соединения души с Христом!»

Что могла нам ответить мама?

Но не одной восторженной отвлеченностью от жизни становились полны наши дни: вера, которой не зажгла в нас *наша* религия и которая вспыхнула от прикосновения католичества, проникла в каждую мелочь дня. Теперь уж нельзя было кого-то дразнить, солгать, притвориться, поссориться, надерзить. Все это именно и были те грехи, которые

вели в ад и которым рад дьявол. И в этом мы жили все детство, не подозревая, как отразился прожитой день в вечной жизни, в той, куда каждый из нас может шагнуть, каждый день без возврата. И было теперь понятно, что единило всех в пансионе Лаказ, что делало его одной семьей. Все глядели на зло и добро одними глазами: всех с нами живших, друживших, учившихся ужасала возможность совершить злой поступок, всем звучал надеждой и радостью воскресный хорал мессы... О, мы знали теперь, что те, кто нас пытался отвести от Бога, — были дурные люди, только *казавшиеся* друзьями. О них надо было молиться, но с ними не знаясь. Бог — многомилостив. Он может их простить, но не нашим слабым рукам спасти их насмешливые закоренелые души. Привести Тигра, Киску к Богу мы еще не могли. Наше дело молиться и бороться со своими грехами. Так думали и чувствовали мы в 11 и 9 лет в католическом пансионе.

Когда наставал вечер и м-ль Маргарэт кончала свой вечерний обход, мы тихо вставали со своих постелей, становились на колени на коврики и начинали молиться. Пальцы привычно уже перебирали бусинки четок (*chapelet*) — десять «*Ave Maria*»⁵, один «*Pater Noster*» («Отче наш»). Так, помнится, пять раз по кругу сцепленных длинным концом четок. Затем одно «Отче наш», три «*Ave Maria*» и опять одно «Отче наш». Таких *chapelets* (четок) мы говорили много десятков — и даже сотен глубоко в ночь, один Бог весть *сколько* в тишине спавшего пансиона. Усталые и счастливые, мы ложились, порой преодолевая то, что казалось уже, может быть, искуше-

нием еще и еще молиться. Дьявол бдителен и лукав, он, может быть, хочет нас *нарочно* для того подговорить, чтоб *еще* молиться, чтобы нас *обессилить*? Нет, лучше теперь лечь. Счастливые, со светом в душе, с верой в то, что Христос нас примет к Себе, с мечтой умереть за Него, если надо, мы засыпали, а наутро нас встречал день с шумом, с солнцем, с волнами воспоминаний о другой, вольной жизни, о весельи революционных песен, скал, лжи старшим, о Пачёвской долине⁶, где проскакал Лесной царь. (Лесной царь — это что? Божество природы, язычество, грех?)

Добрая м-ль Маргарэт не подозревала ничего о нашей страстной молитве, ни о бурях в нас. <...>

А затем приехала м-ль Жанн. У нее было лицо мученицы, и каждый, на кого взглядывали ее большие темные глаза, пристальные, печальные, строгие, как бы пронизывался чувством, что надо опомниться, что час на счету, что надо *иначе* жить... Маруся с первого взгляда страстно привязалась к ней, и та заметила Марусю сразу. С этого дня Маруся стала неузнаваемая: где был ее крутой нрав, ее вспышки гордости, дерзости? Ночью я теперь всегда засыпала первая. Марусины молитвы длились еще куда глубже в ночь, чем мои. Ко всем нам м-ль Жанн была внимательна. Младшие сестры Астина и Аглаэ готовились к Первому Причастию. Их вызывали на долгие беседы с мосье л'Аббэй, они читали святые книги, они реже играли с нами. Маруся долгим взглядом проводила свою подругу Аглаэ. Она же ходила, опустив свои большие черные глаза, стараясь не впасть в искушение. К их чести ска-

жу, что разговоров о белых платьях с длинными вуалями, как у невест, не было. Религиозный дух в детях-католиках зажигал в наших сердцах даже мечту о мученичестве. Вскоре Марусе была разрешена исповедь у мосье л'Аббэй и Причастие за ее религиозное рвение, хоть она и была «ортодокс» (православная). <...>

Высокие своды, узорчатые окна, и в них, или мне изменила память, цветное стекло. Косые лучи падают на каменный пол, на стулья — и перед каждым — скамеечка для молящихся. От высоких дверей идут люди. Каждый, входя, окунает пальцы в каменный овальный сосуд со святой водой. Руки встречного касаешься пальцами, омытыми в святой воде. Впереди — белизна и позолота. В луче хрустального света, в широком луче утреннего солнца аббат. Его серебряная широкая одежда кажется горячей. Молитва его — по-латыни. Мы следим по своей книжке объяснение каждого возгласа. А хор греет своды костела раскаленными звуками. Голоса мальчиков вырываются из темного органного золота серебряным звуком флейты. Взлетают под самый купол. И точно их отражение, воплощение, медленно, по проходу из стульев, одна за другой, маленькие девушки в белых платьях и длинных белых вуалях. Они идут медленно, и мы им сочувствуем восхищенно, какой в них сейчас трепет и страх... И какое счастье! Сейчас они примут Первое Причастие, обрчатся с Христом.

Слезы клубком подступают к горлу. Почти невозможно дышать.

Позже Анастасия Ивановна, несмотря на свою глубокую приверженность к православной вере, признает, что «католики — лучшие воспитатели, чем мы. У нас такого разумного подхода к детям я не видела нигде»*.

Более 70 лет прошло после этих незабываемых впечатлений детства, и Анастасия Ивановна нежданно получает книгу о св. Бернадетте. Сначала, в сентябре 1976 года, она получила в подарок один из томов (2-й) этой книги, случайно встреченный составителями настоящего издания в букинистическом магазине Таллина. Строго документированное описание множества посмертных чудотворений св. Бернадетты произвело на Анастасию Ивановну огромное впечатление — не даром же ей самой принадлежит много рассказов, собранных позже в книге «О чудесах и чудесном», целиком посвященной подобным сюжетам. Сразу же по прочтении непреодолимый внутренний императив диктует Анастасии Ивановне начать ее перевод: «Надо же дать читать другим!».

Таким образом, книга заинтересовала Анастасию Ивановну стоустым свидетельством чудесно исцеленных недугов, натуралистично описанных точным языком науки. Анастасия Ивановна всегда интересовалась нетрадиционной медициной, делала выписки и испытывала на себе различные, в первую очередь го-

* Московский церковный вестник. 1899.

меопатические, лекарства и средства народных целителей. В ее архиве сохранились десятки списков гомеопатических лекарств, которые закупались ею в больших количествах перед поездками в Кясму и Дома творчества для себя и своих друзей. Сохранились также записи о применении разнообразных народных средств и способов лечения различных заболеваний, которые она, не жалея на это времени и сил переписывала и рассылала своим родным и знакомым.

Известия о чудесных исцелениях, подтвержденных документально медицинскими свидетельствами, и их обсуждения в богословских дискуссиях, которые составляют содержание второго тома, легли на давно подготовленную почву.

Не прошло и года после получения книги, как Анастасия Ивановна пишет своему другу Евгении Филипповне Куниной⁷ в мае 1977 г.: «Женечка, Женя, подумай: исцеление от того, что приложили *один волос* Бернадетты к больному — как поразительно духовное *всё* может стать, предстать, быть в физическом мире — если в о л о с может — исцелить... <...>

Женечка, скажи своим, что я не пишу им, п<отому> ч<то> вошла в работу — Bernadette и Amor⁸...»

В июле Анастасия Ивановна сообщает составителям из Кясму: «...Перевод движется. Изумительная книга!...»

В начале сентября того же года она с удовле-

творением пишет: «...Кончила Бернадетту. Эти дни живопись⁹ и считка 2-х экземпляров (оригинал и копия) для моей машинистки, уже начавшей». Имеется в виду, что А. И. закончила первый рукописный вариант перевода. Перевод требовал больших усилий, так как в тексте имеется множество специальных церковных и, главное, медицинских терминов, неясных для нее. Она тут же подключает к этой работе своих друзей. Сохранилось более 100 списков слов, которые она рассылала им для помощи в переводе.

В одном из писем она просит Е. Ф. Кунину о переводе 39 (!) отдельных слов и целых фраз, как например:

«— *buis* — в словаре “*самшит*”? “*букс*”. Как перевести фразу: послала матери кусочек *buis*, который я приложила к гробнице Б. — м<ожет> б<ыть> просто “дерево?” и т. д.

— Как переводить (частое — “*la maman*” — мамашу (интимно, но плохо, “мать” — грубо);

— *ambulance* — *и* амбулатория *и* походный госпиталь. Какое слово взять для тех мест? <...>.

Как я по тебе стосковалась — точно год не виделись! Женечка, верни мне этот листок со словами, как только их сможешь найти, тогда я то, что *тут* успею сделать по Бернадетте, отдам (надеюсь!) Тамаре¹⁰ перед отъездом...

Твоя А.»

Приписка на одной из страниц сбоку: «Нет, Женечка, *сюда* уж не пиши — я *приеду* и получу от Тебя слова и привезу еще...»

Автор книги о Бернадетте пишет: «...всюду, где Она проходит, поднимается некая пыль чудес. Чудо — это след Ее шагов. <...> я смог дать отчет [в книге. — *Сост.*] о некоторых из последних необычайных исцелениях, которые медицинские комиссии признали таковыми, благодаря фотокопий, полученных мною от президента бюро медицинских свидетельств в Лурде. Рука Божья видна здесь. И отныне самым скептически настроенным ученым придется покориться» (пер. А. Цветаевой). Поэтому по мере чтения и перевода книги о Лурдском чуде Анастасия Ивановна все с большим нетерпением и волнением ждет возможности ближе познакомиться с жизнью самой св. Бернадетты... И она пишет составителям: «Молю Эллен¹¹ поискать 2-й томик...» (07.1977).

Однако не Эллен было суждено доставить Анастасии Ивановне вожделенную книгу. И здесь помог, как всегда, случай. Зимой 1977 года, когда Анастасия Ивановна находилась в Доме творчества в Голицыне, она познакомилась с журналистом, жена которого работала в одном из комитетов ООН в Брюсселе. Но и там, за железным занавесом, не так просто отыскать книгу, ставшую библиографической редкостью¹². Наконец, трудности позади, и Анастасия Ивановна радуется возможности продолжить захвативший ее перевод: «Начала перевод новой книги о Бернадетте... (а ту старую д<о> с<их> п<ор> не закончила)» (17.09.78, Коктебель).

А спустя два месяца она напишет составителям из Голицына: «Одна радость — в письменном столе, в *чудной* книге о жизни Бернадетты»

Однако перепечатка рукописи сдерживается пропусками многих специальных слов, и она снова рассылает многочисленные «листки-списки» слов для перевода своим друзьям: А. М. Шадрину¹³, И. Ф. Кунину¹⁴, Р. М. Куниной-Гевенман¹⁵, Н. А. Вельминой¹⁶, составителям и др. Так, например, в декабре 1978 года Анастасия Ивановна пишет Евгении Филипповне:

«...Сейчас — список слов для Бернадетты (*Какая книга, чудная! Как я хотела бы Твоего такого же увлечения ею...* Она меня на воде держит! Перевожу по 3-4 стр. *книги* в день. Всего 260. Я на — 41-ой... [далее следуют свыше 30 терминов и выражений для перевода].

<...> Одно любо: письм<енный> стол. Но так зрение падает! Читаю одним глазом, машинопись... Отрада — одна Бернадетта!.. Молюсь ей о вас — и своих».

Проследим, как в дальнейшем продвигалась работа Анастасии Ивановны над переводом этих двух томов по извлечениям из переписки ее с составителями:

Август 1979 г. Кясмю.

Перевожу жизнь Бернадетты... В Коктебеле надо кончить Bernadette...

30 мая 1980 г. Коктебель.

...кончаю работу с Bernadette... *Завтра* в Москву.

15 октября 1980 г. Коктебель.

Кончаю сверку м<оей> машинописи о Бернадетте (2 книгу) с фр<анцузским> текстом. Скоро Глебушке пришлю слова.

18 августа 1981 г. Кязму.

Спутница¹⁷ <...> читает Бернадетту, дивится чудесам лурдским — не верит и другие — как когда сгинувший после окунания рак, немислимое природе — подписано множеством докторов медицины Парижск<их> и др. Университетов... Не только себе ее хочу с собой, а и ей к русскому Лурду, так же замолченному как замолчен в Европе — Лурд... Посл<еднюю> неделю (сегодня) кончила сверку перевода *жизни* Бернадетты — (скоро Глебушка получит список слов)...

11 мая 1984 г. Переделкино.

Уже здесь перв<ую> 1/2 срока... Только вчера начала читать машинопись своего перевода 1-ой (Вашей Таллинской) книги Бернадетты (сведения со всего мира о чудесах исцеления *после* нее присылками мал<ых> «сашэ»* с опилками от ее гроба 1-ой эксгумацией (через 23 года после † ее выкопали, она оказалась нетленной, гроб распилили в опилки и стали, на зовы о безнадежных болезнях со всего земного шара, рассылать больным, — а Бернадетту в *другом* гробу закопали вновь на 23 года — и только через 46 лет ее, наконец, признали святой (до тех пор — блаженной «bienheureuse») — и канонизировали, в Риме, если верно помню, в 1925 году — *это я*

должна тут перечесть (свою машинопись, выписать недостающие слова, попросить помощи Глебушки) и до Эстонии — передать другу Мещерского и моему в Патриархию. От него получу перепечатанную 2-ую книгу (биографически — 1-ую о ее жизни и ее смерти) и с помощью Юры Калинина¹⁸ должна буду ее считать, в сборах в Эстонию. <...> Увы, сегодня люди не дали работать над Бернадеттой. Завтра — я постараюсь...

После завершения работы окончательно выверенные и переплетенные тома перевода были снабжены репродукциями некоторых фотографий и через Ю. М. Калинина переданы Анастасией Ивановной в Патриархию. Когда-то один из сотрудников Патриархии окрылил ее, сказав, что ее труд возможно послужит как чтение ученикам Семинарии и Духовной Академии. Однако при переезде Патриархии с улицы Рылеева в Свято-Даниловский монастырь, как сказали Анастасии Ивановне, «книги пропали». Французский оригинал второго тома «Сияние Пречистой Девы» сохранился в ее архиве. Факт не востребованности не намного огорчил Анастасию Ивановну, потому что сознание исполнения *большого* долга заслонило *малую* неприятность.

Перевод первого тома (машинопись, второй экземпляр) «Бернадетта и Лурд» была подарена Ю. М. Калинину восьмого ноября 1987 года. Дарственная надпись гласит:

*Дорогому Юре Калинин, другу и помощнику
с этой книгой с любовью и благодарностью.*

Переводчик Анастасия Цветаева

* * *

«Бернадетта и Лурд» — описание жизни простой чистой девушки глубоко взволновало Анастасию Ивановну. О том же чувстве, вызванном Бернадеттой, пишет Епископ г. Невера Патрис Флинн в своем письме (в феврале 1953 г.) автору книги о св. Бернадетте: «Видимо Бернадетта завоевывала Вас по мере того, как Вы все больше ее узнавали. Она завоевала Вас своей тайной, своим страданием, странным очарованием своей предвидимой святости, проглядывающей и, однако, хранящей секрет своей таинственной жизни, как это всегда бывает, когда ощутимо действует «божественное прикосновение».

Проследим, как развиваются события, пользуясь выдержкам из перевода Анастасии Ивановны.

«Эта история начинается в четверг 11 февраля 1858 года... на юге Франции, недалеко от городка Лурд с 6-тысячным населением». Семья Бернадетты «жила в жалкой лачуге, клетке, куда некогда запирали преступников и окна, снабженные железными решетками, выходили на маленький двор, темный, дурно пахнущий — настоящий колодец. Это жилище назы-

вали «темницей», и добрые сердца считали, что было бы жестоко поселить там даже животных. Жило в ней шесть человек». «К моменту явления святой Девы Бернадетта — ребенок 14 лет. Она родилась 7 января 1844 года. Бернадетта играет в классы, прыгает через веревочку... Она добра, характер у нее живой, как пиренейский ветер. В ее насмешках порой недостает мягкости... <...>»

На первых страницах книги приводится поэтический портрет св. Бернадетты по фотографии: «Бернадетта смотрит на нас en face. Лицо несколько кругло, как нам казалось, и губы несколько полны. Но Бернадетта красива. Нос прямой, деликатно очерченный, цвет лица матов, лоб четкий и спокойный, брови проведены прелестно, как мы еще видим у маленьких детей Лурда. Эти большие прекрасные глаза, чёрные и нежные, умеющие быть оживленными, и эти совсем маленькие руки, друг на друга положенные, как две уснувшие птички.

Здесь Бернадетта кажется очень нарядной: покрытая уже не простым платком, а белым фуляром в полоску, который ей должно быть дали надеть, так как он стоит не менее, чем 16 франков.

Однажды, собирая хворост над речкой недалеко от скалистого грота, Бернадетта имела видение Пресвятой Девы. Ей явилась сияющая Дама в белых одеждах. Явления Дамы повторялись, она высказывала свои пожелания: «Я хо-

чу, чтобы сюда приходили люди»; «Скажи, чтобы здесь построили часовню»; «Расскажи о моем явлении священникам» и др.»

По указанию Пресвятой Девы Бернадетта расчищает у грота маленькое углубление, которое быстро наполняется водой. «Дама дала мне приказ: “Пойди, напейся и умойся у источника и съешь траву, которую там найдешь”», — разъясняет свои действия Бернадетта. На следующий день это уже не ручеек, а родник, родившийся на сухом месте. После двух-трех случаев исцеления источник приобрел славу целебного и вскоре начал поставлять 12 тыс. литров воды в сутки.

Претерпев насмешки над «бреднями» и глухую стену недоверия, сначала от односельчан, а потом и сановных прелатов, Бернадетта сохраняет достоинство, твердость и пламенную веру. Смирение, самоуничижение и молчание стали основой ее поведения.

Поэтому жизнеописание Бернадетты предваряется высказыванием основателя Ордена Сестер в Невере, дома* де Лавейна:

ЛЮБИТЕ МОЛЧАНИЕ

Будьте внимательны к тому, чтобы удерживать ваш язык и наблюдать за собой.
Пусть скромность и милосердие раскрывают ваши уста.

* Дом — господин (фр.).

И вводите в жизнь вашу совет *св. Грегуара*¹⁹
нарушать молчание лишь такими словами,
которые стоят

больше молчания.

Молчание — самый верный знак присутствия Божьего в душе.

И вот последнее Явление Дамы Бернадетте. Бернадетта восклицает на патуа²⁰: «"Я вижу Её... Она кланяется и нам улыбается!" Затем — молчание. Происходит долгое собеседование, которое услышать не может ничье ухо. <...> И на сомнения в том, что Святая Дева говорила с ней — ведь они ничего не слышали, Бернадетта отвечает:

— О ! Я совершенно уверена, что вы их не слышали, потому что это происходило не так, как мы беседуем здесь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Когда Святая Дева со мной говорила, она говорила через это, а не через уши...

Говоря это, Бернадетта показывает на сердце».

«Постепенно пришло то, что при появлении Бернадетты говорили: "Смотрите на святую! Глядите на нашу святую!"»

«Бернадетта устала до смерти... она хотела бы исполнять свой долг: делать уроки, играть со своими подругами. Ей хотелось бы просто жить... Все забывают, что ей нет 15-ти лет!...»

«...Раздражаемое беспрерывно дитя проявляет истинный героизм, послушание не по тем-

пераменту. И все свидетели, и все биографы согласны в утверждении, что в эти годы 1858-59 она раздирается астмой, осаждается толпой, окружена со стороны властей — сыском, доведена до смертного состояния, обессилена...»

Постепенно число паломников к Святому источнику увеличивается. Власти обеспокоены и приказывают засыпать источник и установить ограду на пути к Гроту. Тогда толпы людей вновь открыли источник и сломали ограду; следуют протоколы, штрафы, угрозы судебных преследований.

Наконец, летом 1858 г. авторитетный епископ монсеньер Лоренс предложил учредить Комиссию для обследования «Явления» и «Исцелений». Министр общественного образования и культов — против. Епископ «берет свое лучшее перо» и преподносит министру с ледяной куртуазностью встречный ответ. Перебранка светских и церковных кругов продолжается, пока император Наполеон III не отменяет все препятствия к свободному посещению источника.

Все это приводит к тому, что «Бернадетта покидает отеческий кров, чтобы переселиться к Сестрам Лурда в Общину сестер милосердия и христианского обучения...» Но «монахини Общины не могут избавить ее от “аудиенций”, от визитов, от череды вопросов...»

«В течение 4-х лет Комиссия ведет расследование событий Лурда... Вывод епископа, опубли-

ликованный в конце 1862 г. утверждает: ... что Непорочная Мария, Матерь Божия действительно явилась Бернадетте Субиру 11 февраля 1858 года и являлась следующие дни, числом 18 раз в Гроте Массабьеля близ Лурда...» «Тотчас же антирелигиозная пресса завывала, как свора псов».

«Весной 1862 г. Бернадетта переносит несколько приступов астмы и в апреле схватывает воспаление лёгкого. Она на краю смерти. Она требует воды из Грота, пьет ее и говорит: “Я почувствовала как бы гору, свалившуюся с моей груди...” *Digitus Dei...* (Перст Божий)”»

«В августе 1862 г., получено разрешение на строительство часовни».

«В 1863 г. епископ делает предложение Бернадетте стать монахиней... но она колеблется».

«В 1865-66 гг. Бернадетта пишет: «Я более, чем когда-либо, чувствую себя готовой скорее покинуть этот мир...» и 15 мая 1866 г. она напишет старшей Монахине, что «я счастлива сообщить Вам, что я решила вступить в нашу дорожную Конгрегацию²¹».

«Она покидает Общину сестер и христианского обучения. 7 июня 1866 г., в 10 часов вечера Бернадетта прибывает в Сен-Жильдар. 29 июля происходит ее вступление в Дом Послушниц и церемония ее пострижения. В монашестве она будет носить имя “Сестры Марии Бернар”».

Вскоре «начались приступы астмы, заставля-

ющие ее страдать — на что Бернадетта отвечает: «Так нужно»».

«Ее здоровье слабеет с каждым днем... она за свою жизнь перенесла в больницах Лурда и Невера самые разнообразные болезни и страдания...»

«Измученная унижениями, зажатая болями и страданиями, она принижается более, чем когда-либо. Она прячется. Как-то спрашивает одну из своих подруг Филиппину:

— Что делают с веником, когда перестанут мести? Куда девают веник, кончив выметать?

— Ставят его на место.

— А его место? Где оно?

— За дверью.

— Вот именно. Так вот я послужила ручкой веника — для Святой Девы. И вот, когда я уже не была нужна Ей, Она меня поставила на место, которое за дверью. — Бернадетта заключила с тихим жестом: Я — там. Я там остаюсь».

«Смерть трудна и долга. Бернадетта переживает некоторую душевную агонию. Мучимая демоном, сомневаясь в спасении своей души, она стонет. Несколько раз слышно, как она кричит с выражением острого ужаса: «Уйди, сатана, уйди сатана!» Она умирает в три часа пополудни 1879 года...»

(Из воспоминаний внучки Анастасии Ивановны и медсестры, дежурившей неотлучно в последние дни около нее, «она пыталась сорвать с себя крест и боролась с обступившими ее силами зла. Умерла Анастасия Ивановна

5 сентября 1993 года в 1.50 пополудни, через 14 лет и 18 дней после перевода этой книги.)

Но и после смерти Бернадетты продолжают чудотворения, и книга заканчивается перечислением ряда особо выразительных случаев исцеления и их толкованием с точки зрения медицины и богословия.

«Бернадетта прошла, несмотря на все трудности в своей жизни, в своем здоровье, по ступеням, ведущим к постижению Божественного познания. Ее ум (душа), с дней Явления Святой Девы, развивался необычайно. Ничего более удивительного нельзя найти, чем этот духовный труд, единственный двигатель которого — это неотвратимое желание приблизиться ко Христу и лучше ему поклоняться».

То же прослеживается и в духовной жизни Анастасии Ивановны, начиная с момента принятия ею обета в 28-летнем возрасте.

Обратим внимание на столкновение двух стилистических пластов в переводе книги о Бернадетте Анастасии Ивановны — свободного, самобытного идеостиля, привычного для читателей ее произведений, и буквализма, свойственного традиции перевода «Писания» и других духовных текстов. Преобладание последнего особенно заметно в прямой речи Бернадетты иногда, как бы вдохновленной Явлениями Святой Девы. К переводу таких стилистических пассажей Анастасия Ивановна подходила, по-видимому, с особо высокой ответ-

ственностью, предпочитая кальку собственному свободному переложению французского текста.

Кроме того, речь Бернадетты является по существу двойным переводом с перевода — ведь она говорила на патуа, наречии, как нельзя лучше подходящем для простодушных высказываний девочки-подростка. Поэтому в некоторых случаях перевод Анастасии Ивановны оказывается непривычным и даже затруднительным для восприятия русскоязычным читателем. Так, например, заглавие второго тома «Rayonnement Virginal», посвященного посмертным чудотворениям св. Бернадетты, Анастасия Ивановна переводит как «Сияющее Девство» или «Девственное Сияние» вместо более естественного трехсловного оборота — «Сияние Пречистой Девы». Подобная вариативность приоткрывает завесу творческой лаборатории переводчика, показывая его предпочтение грамматической точности перед «литературностью» своего многолетнего вдохновенного труда.

Говоря о своих работах этого времени — «Моя Сибирь», «Amor», серии мемуарных рассказов о певцах и др., Анастасия Ивановна пишет 4 мая 1988 года своему большому другу Владимиру Яковлевичу Ионасу²² в Ленинград: «...Но еще больше хорош мой перевод с фр<анцузского> двух книг о Лурдском чуде, о его основат<ельнице> 15-ти летней Бернадетте, канонизированной 46 лет спустя †. Работа не-

скольких лет (не «Jahre» «Sommer»*) в Эстонии. Передала в Патриархию как чтение студентов Семинарии и Дух<овной> Акад<емии>».

На что Анастасия Ивановна получает в письме от 7 мая 1988 г. краткий, но значительный ответ:

«Bernadetta — Ваш подвиг. Любящий Вас Вэлл».

* Jahr — год; Sommer — лето (*нем.*). Игра слов, основанная на том, что в русском языке «годы» и «лета» — синонимичны. Поэтому Анастасия Ивановна как бы поясняет свое «нескольких лет», что работа была не «круглый» год, а только — летом — «sommer». Хотя указание — «в Эстонии» — уже говорит о том, что работа выполнялась *только* летом, т. к. в другие сезоны она там не бывала, о чем было хорошо известно В. Я. Ионасу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В пансионе сестер Лаказ в Лозанне. М-ль Жанна — одна из сестер Лаказ.

² Год назад в Италии, в Русском пансионе, сестры Цветаевы встретились с уехавшими из России политэмигрантами и оказались под влиянием свойственного этой среде нигилизма.

³ *л'Аббэй* — *monsior l'Abbe* — господин аббат (*фр.*). Цветаева пишет это слово с заглавной буквы как ставшее именем собственным — господин Аббат.

⁴ Месса — католическая литургия; соответствует православной обедне.

⁵ Ave Maria — молитва “La Salutation Angelique” — “Ангельское приветствие” [Пресвятой Деве Марии] (*фр.*): “Ave Maria, gratia plena! Dominus tecum...” — “Радуйся, Мария, Благодати полная! Господь с Тобой” (*лат.*). Соответствует православной молитве “Богородица”: “Богородица Дева, радуйся! Благодатная Мария, Господь с Тобой...”

⁶ Вспоминая Тарусу, Цветаева пишет: “Деревня

Пачёво далеко за полем, куда ведет “большая дорога” (в отличие от сети троп, бредущих по лесу и кустарнику). Пачёвская долина — волшебная дубрава с высохшим руслом речки — вожденная цель прогулки, почти не по силам мне (Муся одолевает все). Туда можно полем и через хвойный скат и заколдованную Пачёвскую долину, и тогда мимо хижины угольщика — домой; или, начав с угольщиков, — в колдовскую тишь Пачёвской долины (деревня где-то вверху, за дубравами) и по сосновому холму, вверх, полем — домой. Мы знаем, “Лесной царь” — “Кто скачет, кто мчится” — было в Пачёвской долине” (Ц в е т а е в а А. Воспоминания [4-ое изд.]. М., 1995. С. 55).

⁷ *Евгения Филипповна Кунина* (1898–1997) — близкий друг А. И. Цветаевой, поэт, переводчик.

⁸ Роман “Амор” (М.: Современник, 1991) был написан Анастасией Ивановной в лагере. Его рукопись чудом сохранилась. Над его восстановлением она начала работать в 1971 году. Этот во многом биографический роман служит существенным дополнением к ее “Воспоминаниям”.

⁹ Живопись — этим летом Анастасия Ивановна увлеченно работала пастелью, создавая живописные пейзажи эстонского побережья и натюрморты. Некоторые из них сохранились в ее архиве.

¹⁰ *Тамара* — одна из добровольных машинисток, помогавших Анастасии Ивановне в работе.

¹¹ *Эллен Тамм* — эстонская поэтесса, переводчица. Большой друг А. И. Цветаевой. Сборник своих стихов “У синего моря” (Таллин, 1984) она подарила ей с надписью: “Милой Анастасии Ивановне

с глубокой благодарностью за дружбу, и судьбе — за такую встречу в жизни. Эллен Т. 12.06.84. Таллин”.

¹² Книга — действительно библиографическая редкость. В типографии Севан-Дессан в Дуллансе, (Sevin-Dessaint) 3 февраля 1958 г. было отпечатано 600 экз. Из них 125 экземпляров на бумаге Альфа, 100 экземпляров которых было пронумеровано от 1 до 100.

¹³ *Алексей Матвеевич Шадрин* (1911–1983) — филолог по образованию, поэт, переводчик с нескольких европейских языков. Был признан, как «переводчик номер один». Прошел сталинские лагеря — 1937–39 и 1944–52 гг. Близкий друг А. И. Цветаевой. Большой архив А. М. Шадрин находится в РГАЛИ.

¹⁴ *Иосиф Филиппович Кунин* (1904–1996) — музыковед, писатель, автор книг о Римском-Корсакове, Чайковском и др. Брат Евгении Филипповны Куниной, друг А. И. Цветаевой.

¹⁵ *Роза Марковна Кунина-Гевенман* (1903–2000) — искусствовед, специалист по западноевропейской живописи XVIII века. Жена Иосифа Филипповича Кунина, друг А. И. Цветаевой.

¹⁶ *Нина Александровна Вельмина* (1913–1999) — мерзлотовед, скульптор, писатель, художник. Друг Анастасии Ивановны с 1966 года. Ею выполнены скульптурные портреты М. А. Волошина, сестер Цветаевых и др. деятелей культуры и науки.

¹⁷ *Ирина Иннокентьевна Подвысоцкая* — многолетний друг А. И. Цветаевой, врач, доктор медицинских наук.

¹⁸ *Юрий Михайлович Калинин* (род. 1930) — филолог, работал редактором, автор нескольких книг

религиозного содержания, друг А. И. Цветаевой с 1974 года. Редактировал перевод ее книг о св. Бернадетте Лурдской.

¹⁹ *Св. Грегуар* (330–390) — Григорий Богослов, греческий церковный деятель, поэт, философ.

²⁰ Патуа — наречие, распространенное на юге Франции, родственное провансальскому языку.

²¹ Конгрегация — в католической церкви — объединение монашеских Общин, следующих одному уставу.

²² *Владимир Яковлевич Ионас* (Вэлл — домашнее имя; 1900–1988) — писатель, правовед, доктор юридических наук. Познакомился с А. И. Цветаевой в Кясму (Эстония) в 1971 г. и с тех пор стал ее большим другом.

MICHEL DE SAINT PIERRE

BERNADETTE

ET

LOURDES

LR La Table Ronde

Обложка книги Мишеля де Сент Пьера
«Бернадетта и Лурд»

*Бернадетта (14 лет) и настоятельница приюта
в Лурде*

Грот святого источника

*Сестры Цветаевы в период пребывания
в пансионе Лаказ. Слева направо: Ася,
А.И.Доброхотова и Марина (1903 г.)*

А. И. Цветаева в 1977 г. — начало работы над переводом книги

Maaba, kuskume une vil...
 repeluta, Bernadette et Lourde,
 App - Michel de St. Pierre
 Itinéraire. — mychom, illid
 voir - talco
 ach. kot? —
 successus se direction, le R.P. du
 Haroir —
 St. Pierre, femme à poigne —
 Marie, familière du monde
 sous Ch. de la d'une gravité
 dolente —
 Ch. de la — dont la beauté, la suavité
 l'enchanteront (à nobilitate)
 au vieux sens magique du mot
 Le tourbillon fabuleux du soleil
 par Dieu Lui-même, avec désin-
 vature —

Один из листков со списком слов для перевода
 (А. М. Шадрину)

Бернадетта
и
Лурд.

Написано
Машелас де Соу-Торр
перевод А. Уветисева

Издание
Крупного Стала
40, rue de la
(Paris)
Париж, V II.
1958

Титульный лист рукописи перевода книги
«Бернадетта и Лурд»

RAYONNEMENT VIRGINAL

*Moisson de grâces attribuées à
l'intercession de la Vénérable
Sœur Marie-Bernard,
Bernadette Soubirou.*

*Титульный лист 2-го тома книги
о св. Бернадетте*

Лютеранская церковь в пос. Кясму (Эстония)

«BERNADETTA — ВАШ ПОДВИГ»

Об одном переводе Анастасии Цветаевой

Редактор *В. И. Масловский*

Подписано в печать 10.12.2002

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательского дома «Грааль»